
АРТЁМ БАРЕНЦЕВ
ТАЙНА
ПЯТИ ПЕЧАТЕЙ
Повесть о дружбе и подземном лабиринте
ДЕТСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ВОЛЖСКИЙ КВЕСТ

Артем Баренцев

Тайна пяти печатей

«Автор»
2026

Баренцев А.

Тайна пяти печатей / А. Баренцев — «Автор», 2026

Летние каникулы в тихом городке на берегу Волги оборачиваются для тринадцатилетнего Тимки Воронова и его одноклассницы Маши Соколовой захватывающим расследованием. Заглянув в старинный заброшенный особняк инженера Леонтия Нестерова на Совиной горке, ребята находят потайной механизм напольных часов и первую из пяти бронзовых печатей. Она открывает вход в подземный лабиринт испытаний, где действуют только законы физики, смекалка и дружба. За ребятами по пятам идут двое незадачливых жуликов по кличкам Бублик и Клещ, готовые на любые комичные уловки ради старинного клада. Но чтобы разгадать великую тайну инженера, подросткам предстоит усмирить воду, преодолеть акустический лабиринт, поймать солнечный луч и доказать, что настоящее сокровище всегда создается для блага людей.

© Баренцев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Заросшая веранда Совиной горки 5
Глава 2. Тайник в часах и винтовой спуск 9
Глава 3. План инженера и захлопнувшийся шлюз 13
Глава 4. Врата Архимеда и сырой туннель 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Тайна пяти печатей

Глава 1. Заросшая веранда Совиной горки

«Пасуй низом, Тимка! Ну кто так навешивает через лопухи!» крикнула Маша, резко затормозив кедами на сухой глине.

Кожаный мяч со свистом чиркнул по верхушкам крапивы, взмыл над зарослями бузины и с глухим треском врезался прямо в прогнившие доски высокого забора. За забором что-то тяжело ухнуло, зашуршало по сухой прошлогодней листве и затихло в густой тени старого сада.

Тимофей Воронов опустил ногу, шумно выдохнул и вытер взмокший лоб тыльной стороной ладони, оставив на щеке длинную полосу дорожной пыли. В тринадцать лет он уже почти догнал ростом старших семиклассников, но плечи его оставались угловатыми, а пальцы вечно пахли канифолью, машинным маслом и медной стружкой. В кармане его старых парусиновых шорт привычно брякал складной многофункциональный нож, подаренный отцом на день рождения, и моток прочного капронового шнура, без которого Тимка вообще не выходил из дома.

«Ты же сама кричала: бей сильнее в дальний угол», проворчал Тимка, подходя к покосившемуся штакетнику. «Вот я и ударил. Откуда мне было знать, что кочка под ногой осыплется?»

Маша Соколова подошла следом, сердито сдувая с носа непослушную выгоревшую на солнце челку. На ней была застиранная синяя футболка со следами древесной смолы на локте и легкие спортивные шорты, а через плечо на брезентовом ремне висел чехол с дедушкиным полевым биноклем. Маша занималась в секции скалолазания, бегала стометровку быстрее всех мальчишек на улице и знала каждый овраг в окрестностях Кленоярска лучше любого местного старожила.

«Теперь доставай», Маша скрестила руки на груди и выразительно посмотрела на темные чугунные пики, торчавшие поверх деревянных щитов. «Это мяч моего двоюродного брата, с автографом вратаря сборной. Если он пропадет в крапиве у Нестерова, Колька мне до конца лета прохода не даст».

Они стояли у самой границы Совиной горки. Так в Кленоярске называли высокий глинистый холм над волжской протокой, сплошь заросший вековыми липами, одичавшим терновником и колючей акацией. Почти на самой вершине холма, скрытый за плотной зеленой стеной дикого винограда, темнел старый двухэтажный особняк с резными деревянными карнизами, высокой круглой башенкой и стрельчатыми слуховыми окнами.

В городе про этот дом ходили десятки небылиц. Построил его еще в начале двадцатого века Леонтий Аристархович Нестеров, знаменитый инженер-гидротехник, руководивший строительством шлюзов, береговых дамб и городской водопроводной станции. В тридцатые годы инженер бесследно исчез, усадьба опустела, а мальчишки из поколения в поколение шептались о том, что под домом прорыты глубокие подземные галереи, уходящие к самой реке.

Старый музейный смотритель Прохор Савельевич, который дружил с Тимкиным отцом и часто заходил в их радиомастерскую выпить чаю с сушками, не раз строго предупреждал ребят даже близко не подходить к забору Совиной горки. Он говорил, что старик Нестеров был человеком с причудами, механиком до мозга костей, и снабдил свою усадьбу такими хитрыми замками, потайными противовесами и ловушками, что туда и соваться опасно.

«Ладно, не кипятись», Тимка взялся руками за шершавую штакетину и заглянул в узкую щель. «Вон он, твой мяч. Застрял прямо под кустом шиповника возле чугунной скамейки. Десять метров от забора, не больше. Сейчас перемахну, схвачу и обратно».

«Один ты туда не полезешь», отрезала Маша, уже примеряясь ногой к выступающей перекладине. «Во-первых, ты в крапиве запутаешься и будешь орать на всю округу. Во-вторых, тут

сбоку доска отошла, я ее еще на прошлой неделе приметила, когда мы на речку на великах ехали».

Она легко протиснулась между двумя кривыми липовыми стволами, ухватилась за нижний край деревянного щита и с легким треском отжала его в сторону. Образовался лаз, вполне достаточный для того, чтобы пролезть человеку плотного сложения, а уж гибким подросткам и подавно не составило труда скользнуть внутрь.

Тимка нырнул в проем следом за подругой. В нос сразу ударил густой, душный запах нагретой солнцем полыни, прелых прошлогодних листьев и старого трухлявого дерева. После залитой слепящим июльским зноем улицы под кронами вековых лип царил влажный зеленоватый полумрак. Ветви сплетались так густо, что солнечные лучи пробивались сквозь них редкими золотистыми иголками, плясавшими на замшелых каменных дорожках.

Мяч действительно лежал под кустом колючего шиповника, привалившись к кованой ножке скамейки. Маша подбежала, нагнулась и победно подхватила его обеими руками.

«Вот и все твое великое приключение», фыркнула она, вытирая пыльный мяч подолом футболки. «Мяч спасен, вратарь спасен, легендарный дом инженера оказался обычной заброшкой с комарами. Пошли назад, пока солнце не село».

Она уже повернулась к лазу в заборе, но Тимка даже не сдвинулся с места. Он стоял на круглой площадке из потрескавшихся плит и смотрел вверх, на фасад особняка.

Отсюда, из глубины заросшего сада, дом Нестерова выглядел совсем иначе, чем с дороги. Это было массивное здание из темно-красного фигурного кирпича, поставленное на высокий фундамент из дикого серого гранита. Вдоль всего первого этажа тянулась широкая деревянная веранда с резными перилами, изображавшими переплетенные шестеренки, якоря и водяные потоки. Окна второго этажа были наглухо заколочены крест-накрест толстыми досками, но тяжелая дубовая дверь веранды, украшенная позеленевшими медными накладками, оказалась распахнута настежь. Она висела на одной верхней петле, едва удерживаясь на перекошенном косяке.

«Маш, постой», тихо позвал Тимка, сделав шаг вперед. «Посмотри на крыльцо».

«Ну веранда, ну ступени», отозвалась девочка, настороженно оглядываясь. «Чего ты там не видел? Полы прогнили, потолок осыплется на голову, вот и вся радость».

«Да нет же, приглядись к замку на двери», Тимка указал пальцем на массивную чугунную скобу. «Замок не просто сорван. Его спилили ножовкой по металлу совсем недавно. Вон, погляди на порог: на светлых досках осталась серая металлическая пыль. И опилки совсем свежие, их даже дождем не прибило. Вчера гроза была, помнишь? А опилки сухие».

Маша замерла. Ее насмешливый тон мгновенно улетучился. Она сняла с шеи бинокль, поднесла окуляры к глазам и навела резкость на массивное крыльцо.

«Точно», прошептала она, прикусив губу. «Металлическая стружка блестит. И еще там, на ступеньках, следы от тяжелых рифленых подошв. Большой размер, сорок третий или сорок четвертый. Кто-то заходил в дом сегодня утром. Или даже днем».

«Может, участковый Сорокин проверял?» предположил Тимка, хотя сам прекрасно понимал, что участковый никогда не стал бы спиливать чужие замки ножовкой. Лейтенант Сорокин был человеком аккуратным, носил отглаженную форму и в случае взлома первым делом натянул бы поперек калитки полосатую ленту и вызвал понятых.

«Сорокин ходит в форменных туфлях с гладкой подошвой», уверенно возразила Маша. «А здесь глубокий протектор, как у тяжелых строительных берцев. Причем следы идут только внутрь. Обратных отпечатков на крыльце нет».

Она опустила бинокль и взглянула на Тимку. В ее серых глазах вспыхнул тот самый азартный огонек, который появлялся каждый раз, когда на олимпиаде по краеведению им попадался самый заковыристый вопрос о старых подземных тоннелях под Соборной площадью.

«Думаешь, воры?» спросил Тимка, невольно понижая голос до шепота.

«А чего тут красть?» Маша пожала плечами. «Дом пустует больше полувека. Вся мебель давно сгнила, картины растащили еще до нашего рождения. Если только... помнишь, Прохор Савельевич рассказывал, что Нестеров перед самым исчезновением спрятал где-то в доме свои главные архивы и чертежи шлюзов? За ними тогда даже из губернии инженеры приезжали, весь подвал перерыли, да ничего не нашли».

«Чертежи шлюзов ворам точно без надобности», рассудил Тимка. «Им бы цветмет срезать или старинные бронзовые ручки. Давай тихонько поднимемся на веранду и заглянем в щель. Если там внутри кто-то есть, сразу дунем через забор к участку Сорокина. До отделения на велосипедах пять минут ходу».

Они осторожно двинулись по замшелой каменной тропинке, стараясь не наступать на сухие сосновые шишки и ломкие ветки липы. Воздух вокруг дома казался неподвижным и плотным, как кисель. Где-то в вышине сада монотонно трещали кузнечики, да изредка перепархивала с ветки на ветку синица, с удивлением поглядывая на непрошеных гостей круглым черным глазом.

Ступени веранды оказались на удивление крепкими. Леонтий Нестеров строил свой дом на века: дубовые плахи толщиной в ладонь почти не поддались времени, лишь слегка посерели от дождей. Поднявшись на верхнюю площадку, Тимка прижался плечом к теплому косяку и осторожно заглянул в распахнутую дверь.

Внутри открывалась просторная полутемная прихожая, переходящая в широкий коридор с высокими лепными сводами. На полу лежал толстый слой серой вековой пыли, но посреди этой пыли тянулась отчетливая цепочка свежих следов. Причем следы вели в двух направлениях: здесь топтались двое. Один человек был грузным, ступал широко и тяжело, вдавливая каблуки почти до самых половиц. Второй шагал мелко, суетливо, часто переминался с ноги на ногу и, судя по смазанным отпечаткам, волочил за собой что-то тяжелое с плоским прямоугольным дном.

«Чемодан с инструментами», тихо выдохнула Маша прямо в ухо Тимке. «Или металлический ящик. Видишь полосу на полу? Они зашли в дальнюю комнату направо».

«Там была библиотека Нестерова», вспомнил Тимка старый план усадьбы, который однажды показывал ему Прохор Савельевич в запасниках краеведческого музея. «Там стояли книжные шкафы и чертежные столы. Пошли, только ступай след в след, чтобы не поднимать пыль».

Они бесшумно скользнули в прохладную глубину дома. Внутри пахло старой бумагой, сухой штукатуркой, мышиными норками и слабым, едва уловимым ароматом машинного масла, который словно въелся в кирпичные стены за долгие десятилетия инженерных трудов хозяина.

Вдоль стен коридора темнели пустые рамы от старых гравюр и пожелтевшие чертежные планшеты, с которых давно осыпалась бумага. Половицы под ногами не скрипели: Нестеров уложил их на массивные смоленые балки с войлочной прокладкой, очевидно, терпеть не мог лишнего шума во время ночных расчетов.

Вдруг из глубины правого коридора донеслось глухое металлическое звяканье.

Ребята мгновенно замерли, вжавшись в темную нишу под лестницей, ведущей на второй этаж.

«Да не тяни ты за эту ручку, олух!» раздался из дальней комнаты сиплый, раздраженный шепот. «Сказано тебе: тут секрет! Нажимная планка должна быть снизу, под плинтусом. Ты мне весь косяк разворотил своей монтировкой, а толку ноль!»

«Сам ты олух, Сева», отозвался второй голос, глуховатый и плаксивый. Говорящий тяжело сопел и то и дело шумно втягивал носом воздух, словно отчаянно простуженный человек. «У меня спина разламывается этот сундук с железками таскать. И пыль тут жуткая, у меня

от нее аллергия начинается. Я уже три раза чихнуть хотел, еле сдержался. Говорил я тебе: надо было респираторы на стройке взять, а ты заладил: некогда, поехали быстрее, пока светло!»

«Почихай мне еще тут!» зашипел первый голос. «Если нас участковый накроет, я скажу, что ты меня силой сюда притащил. Ищи печать, говорю! В записке ясно сказано: в кабинете Нестерова спрятана первая замковая печать. Без нее к нижнему шлюзу даже соваться нечего, там броня в два пальца толщиной. Шевели мозгами, Клещ, пока нас ночь не накрыла!»

Тимка и Маша переглянулись в темноте под лестницей. Глаза девочки горели неподдельным восторгом пополам с тревогой. Она крепче прижала к боку футбольный мяч и беззвучно одними губами прошептала: «Печать! Они ищут печать!»

Тимка осторожно кивнул. Значит, городские легенды не врали. Леонтий Нестеров действительно оставил в своем доме тайник, и эти двое незнакомцев с монтировкой и чемоданом пришли сюда вовсе не за медными трубами.

Из библиотеки снова донесся глухой удар железа по дереву, а затем отчаянный треск раскалывающейся дубовой филенки.

«Осторожнее, дубина!» рявкнул первый голос. «Ты сейчас весь дом обрушишь!»

Тимка осторожно высунул нос из-под лестницы. Дверь в библиотеку была приоткрыта на ширину ладони, и сквозь щель на пыльный пол коридора падал косой сноп света. Жулики были так увлечены потрошением старинного письменного стола, что даже не смотрели в сторону выхода.

«Надо уходить», шепнул Тимка, трогая Машу за рукав. «Бежим к Сорокину. Мы знаем, где они и что ищут. Участковый возьмет их с поличным».

«А если они найдут печать раньше, чем мы добежим до отделения?» возразила Маша. «Они заберут ее и сбегут через овраг к трассе! Погляди, они весь стол разломали, сейчас за шкафы возьмутся. Надо хотя бы увидеть, что это за печать такая, чтобы потом милиции точно описать».

Она сделала шаг к приоткрытой двери, но в этот самый момент тишину заросшего сада за окнами разорвал резкий, пронзительный скрип.

Это были не кузнечики и не ветер. Далеко внизу, у главного въезда в усадьбу, с протяжным визгом ржавых петель распахнулись тяжелые чугунные ворота, которые, казалось, не открывались последние полвека. Затем послышался тяжелый металлический стук и негромкое, но отчетливое урчание автомобильного мотора, работающего на холостых оборотах.

В библиотеке мгновенно все стихло.

«Сева...» испуганно пролепетал плаксивый голос Клеща. «Ты слышал? Это ворота скрипнули. К нам гости. Точно тебе говорю, засада!»

«Заткнись!» оборвал его напарник, и в коридоре послышались торопливые, неуклюжие шаги приближающихся к выходу людей. «Хватай чемодан и дуй в коридор! Быстро!»

Тимка схватил Машу за руку и изо всех сил потянул ее обратно в темноту под лестницу, но путь к выходу на веранду уже был отрезан: тяжелая тень Бублика с блеснувшей в руке монтировкой выросла прямо в дверном проеме библиотеки.

Глава 2. Тайник в часах и винтовой спуск

Тимка затаил дыхание так глубоко, что в висках застучала кровь. Маша замерла рядом, превратившись в натянутую пружину, и только ее пальцы еще крепче сжали ремень бинокля.

В дверном проеме библиотеки показалась широкая, приземистая фигура Бублика. Это был невысокий круглолицый мужчина лет сорока в помятом клетчатом берете, надвинутом на самые брови, и новеньких оранжевых строительных перчатках с резиновыми пупырышками. На носу у него криво сидели круглые затемненные очки с треснувшим левым стеклом, а из-под расстегнутой куртки-ветровки виднелась тельняшка. В правой руке он сжимал полуметровую стальную монтировку с изогнутым лапчатым концом.

Следом за ним из комнаты робко высунулась тощая голова Клеща. Долговязый Георгий Сысоев был похож на засушенного кузнечика: длинная шея утопала в вязаном полосатом шарфе, несмотря на июльскую духоту, засаленная джинсовая куртка свисала с острых плеч, а из накладных карманов штанов торчали разводной ключ, ржавые пассатижи и надкусанный пирожок в промасленной бумажке. На одной ноге у него красовался тяжелый строительный ботинок, а на второй почему-то был натянут синий резиновый шлепанец, подвязанный бечевкой.

«Тихо ты, не топочи своими подковами!» прошипел Бублик, нервно озираясь по сторонам и сжимая монтировку обеими руками. «Кто там у ворот? Милиция? Облава?»

Клещ осторожно вытянул длинную шею в сторону распахнутой веранды, принюхался и громко втянул носом воздух.

«Не пахнет милицией, Сева», пробормотал он, шмыгая носом. «У милиции бензин казенный, чистый, а тут соляркой старой понесло. Это дед Митрофан на своем трехколесном мотороллере с сеном мимо забора протарахтел. У него глушитель прогорел еще в прошлом году, вот он и стреляет, как пулемет. А ворота... ворота от сквозняка шевельнулись, ветер с Волги потянул».

«Ветер у тебя в башке потянул!» в сердцах сплюнул Бублик, сдвигая клетчатый берет на затылок и утирая вспотевший лоб оранжевой перчаткой. «Перепугал меня до колик! Я уж думал, участковый Сорокин на своем синем уазике прикатил протокол составлять. Хватит ворон считать, пошли обратно в кабинет. Надо до темноты этот чертов тайник расковырять».

«Да не расковыряем мы его, Сева», заныл Клещ, уныло ковыряя носком шлепанца щель в паркете. «Я же тебе говорю: Нестеров был академик, инженер первой гильдии! Он свои замки из легированной крупповской стали отливал. Тут автоген нужен, а не моя дачная фомка. Я уже две отвертки погнул, пока ящик стола отжимал, а там внутри одни счета за керосин за девятьсот двенадцатый год».

«Замолчи и иди за мной», огрызнулся Бублик, разворачиваясь обратно в библиотеку. «Если перекупщик Брусницын узнает, что мы из-за твоих соплей бросили дело, он нам обоим головы оторвет и в Волгу выбросит. Первая печать должна быть здесь. В чертежах ясно написано: кабинет инженера, главный механический ориентир. Ищи круглый латунный диск с шестеренкой, балда!»

Жулики скрылись в комнате, и оттуда снова донеслось яростное сопение, грохот выдвигаемых ящиков и треск ломаемой фанеры.

Маша осторожно тронула Тимку за локоть и показала пальцем вверх. Прямо над нишей, где они прятались, темнела широкая деревянная балюстрада галереи второго этажа, а под ней тянулся узкий служебный карниз, уходивший через арочный проем прямо под высокий потолок библиотеки. Там, в полумраке под лепными карнизами, висели тяжелые бархатные портьеры, за которыми вполне могли поместиться двое подростков.

«Наверх?» беззвучно одними губами спросил Тимка.

Маша решительно кивнула. С ее альпинистской сноровкой взобраться по резным стойкам перил было делом нескольких секунд. Она бесшумно, словно гибкая кошка, перемахнула через поручень и подала Тимке руку. Тимка уперся кедом в гранитный выступ стены, подтянулся на одних руках и скользнул следом за подругой на пыльную площадку второго яруса.

Отсюда, из-под самого потолка, вся библиотека Нестерова просматривалась как на ладони. Это был огромный двусветный зал с высокими книжными стеллажами из мореного дуба, поднимавшимися до самых лепных розеток. Вдоль стен громоздились застекленные витрины с образцами речных минералов, медные геодезические теодолиты на деревянных треногах, свернутые в рулоны чертежи и широкие столы с чугунными ножками.

В центре комнаты Бублик остервенело колотил обухом топора по бронзовым петлям несгораемого шкафа, а Клещ ползал на четвереньках возле плинтуса, чихая от клубов поднявшейся пыли и подсвечивая себе карманным фонариком с тусклым желтым лучом.

«Ну и где тут твоя шестеренка?» бубнил Клещ, заглядывая под кожаный диван. «Тут только паутина в палец толщиной да дохлые мухи. Сева, давай бросим, а? У меня в правом боку колет, это верный признак аппендицита. Прохор Савельевич из музея говорил в райцентре, что у Нестерова в подвале вообще водяные мины заложены. Как дернем не за ту веревку, так нас всех в Волгу смоет!»

«Меньше слушай музейных стариков!» рявкнул Бублик, безуспешно пытаясь поддеть край бронированной дверцы. «Мины у него в подвале, как же! Нестеров гидротехник был, дамбы строил, а не войну вел. Работай, кому говорю!»

Пока жулики кружили вокруг сейфа, Маша тронула Тимку за плечо и прижалась губами к его уху.

«Тимка, смотри вниз, в левый угол», прошептала она так тихо, что звук потонул в шуме ударов топора. «Там, возле камина. Видишь?»

Тимка пригляделся сквозь складки выцветшей зеленой портьеры. В дальнем углу библиотеки, наполовину скрытые тенью массивного книжного шкафа, возвышались гигантские напольные часы в дубовом резном корпусе высотой почти в два человеческих роста. На их темной деревянной дверце были искусно вырезаны речные волны, плотины и крылатые грифоны, держащие в лапах старинные циркули.

Но главное было не в резьбе. На широком латунном циферблате часов вместо привычных двенадцати римских цифр виднелись странные гравированные знаки: капля воды, горящий факел, каменная наковальня, солнечный диск и две скрещенные шестеренки. Стрелки часов замерли в необычном положении: длинная минутная стрелка указывала строго вниз, на наковальню, а короткая часовая застыла на шестеренках.

«Главный механический ориентир», пронеслось в голове у Тимки. Слова Бублика мгновенно обрели смысл.

«Они ищут сейф, потому что думают, как обычные воры», быстро зашептал Тимка, не отрывая взгляда от циферблата. «Они уверены, что ценности прячут в железе под замком. А инженер Нестеров все свои секреты доверял часовым механизмам! Отец мне рассказывал: старые мастера всегда прятали тайники в маятниковых шкафах. Там внутри есть полость позади свинцовых гирь, куда не заглянет ни один грабитель».

«Но как туда добраться?» Маша нахмурилась, глядя на жуликов внизу. «Они же прямо в центре комнаты топчутся. Стоит спуститься, и мы у них на виду».

«Смотри, стеллаж слева идет прямо к часам», Тимка указал на верхнюю полку шкафа, тянувшуюся вдоль стены на уровне галереи. «По ней можно пройти над самым полом, если держаться за карниз. А потом спуститься по декоративной колонне прямо за спинку часов. Они оттуда нас не увидят, каминный выступ закрывает весь угол».

Маша окинула взглядом дубовый карниз, проверила узлы на ремне своего бинокля и коротко кивнула: «Я первая. Держи дистанцию в три шага и не скрипи подошвами».

Она мягко перешагнула через перила галереи и ступила на широкий деревянный карниз стеллажа. Дубовые полки, заставленные тяжелыми томами энциклопедий и справочников по гидродинамике, даже не шелохнулись под ее легким весом. Маша двигалась плавно, вжимаясь плечом в кирпичную кладку стены, точно так же, как делала на тренировках на скалодроме.

Тимка двинулся следом. Сердце колотилось где-то в самом горле. Внизу, всего в пяти метрах под ними, Бублик с глухим матом уронил топор на ногу, а Клещ испуганно заверещал: «Сева, ты мне шлепанец разрубил! Это же чешская резина, сейчас такую нигде не купишь!»

Воспользовавшись шумом их перепалки, ребята преодолели опасный участок и бесшумно соскользнули по резной угловой колонне прямо в темное пространство между камином и задней стенкой часов.

Здесь пахло сухим можжевельником, лаком и старым часовым маслом. Перед ними высилась застекленная дверца маятникового отсека. Сквозь пыльное граненое стекло поблескивал массивный круглый маятник из полированной латуни, подвешенный на тонкой стальной ленте.

Тимка осторожно потянул за бронзовую ручку дверцы. К его удивлению, замок не был заперт: медная защелка тихо щелкнула, и дверца плавно отошла в сторону на идеально смазанных петлях, словно за часами ухаживали буквально вчера.

«Смотри на маятник», шепнула Маша, присаживаясь на корточки рядом с Тимкой. «На линзе маятника тоже гравировка. Пять звезд по кругу, а в центре маленькое круглое отверстие со шлицем под шестигранный ключ».

«Шестигранник?» Тимка мгновенно запустил руку в карман шорт и вытащил свой заветный мультитул. Он быстро откинул металлическую рукоять, выщелкнул нужную насадку и примерил ее к отверстию на маятнике. «Четыре миллиметра. Идеально подходит. Отец говорил, что немецкие мастера до революции всегда использовали такой калибр для поверочных винтов».

Он аккуратно вставил граненый наконечник в сердцевину латунного диска и плавно повернул его по часовой стрелке.

Внутри массивного корпуса часов раздался сухой, чистый металлический щелчок. Затем что-то мягко звякнуло, словно внутри деревянной колонны сорвался с упора крошечный противовес. Верхняя панель циферблата над головами ребят с легким шелестом сдвинулась назад, и из темного деревянного паза медленно выдвинулся полированный латунный пенал.

Маша затаила дыхание. Внутри бархатного углубления пенала лежал тяжелый, массивный диск размером с чайное блюдце, отлитый из темной орудийной бронзы.

По краю диска шли глубокие прецизионные зубья, как у шестерни мощного редуктора. На лицевой стороне диска был выбит четкий рельефный рисунок: зубчатое водяное колесо, переплетенное с циркулем, и гордая надпись старинным шрифтом с твердыми знаками: «Печать Первой Силы. Механика. Леонтий Нестеровъ, 1912 годъ». На обратной стороне диска выступали три закаленных цилиндрических штифта разной толщины, образуя сложный замковый код.

«Первая печать...» благоговейно выдохнул Тимка, осторожно беря диск в руки. Металл оказался неожиданно тяжелым и прохладным, словно его только что достали из глубокого ледника. «Маша, мы нашли ее!»

«Прячь в карман, скорее!» взволнованно прошептала девочка. «Она настоящая! Ты представляешь, сколько лет она тут пролежала?»

Но в ту самую секунду, когда пальцы Тимки сомкнулись на бронзовом ободе печати, в глубине часового корпуса что-то снова пришло в движение. Освобожденная от веса пенала потайная пружина распрямилась, и внутри стены за часами глухо загрохотали тяжелые чугунные цепи.

Звук был таким громким и отчетливым, что перепалка в центре библиотеки мгновенно прекратилась.

«Сева...» донесся из-за камина дрожащий голос Клеща. «Ты слышал? В стене что-то едет. Железо по камню скребет. Я же говорил тебе, тут домовой инженера живет! Пошли отсюда, Христом богом молю!»

«Какой еще домовой, придурок!» рявкнул Бублик, и его тяжелые шаги торопливо застучали по паркету прямо к камину. «Это за часами щелкнуло! Там кто-то есть!»

Тимка сунул тяжелую бронзовую печать в глубокий карман шорт и захлопнул мультитул. Но отступать было уже некуда: из-за угла каминной полки высунулся черный ствол монтировки.

И в этот критический миг пол прямо под ногами ребят содрогнулся.

Старый вытертый персидский ковер, лежавший между камином и часами, вдруг натянулся и провис. Огромная квадратная плита серого гранита размером два на два метра, искусно замаскированная под общий уровень пола, с протяжным гулом стронулась с места и плавно пошла вниз на скрытых гидравлических поршнях.

В полу открылся глубокий, квадратный колодец, из которого пахнуло сыростью, ледяной ключевой водой и вековым подземным холодом. Вниз, теряясь в непроглядной черноте, уходила крутая винтовая лестница с ажурными чугунными ступеньками.

«Лови их!» дико взвизгнул Бублик, вылетая из-за камина. Его круглые темные очки съехали на кончик носа, глаза бешено вращались, а монтировка взметнулась над головой. «Они печать сперли! Держи щенков, Клещ, хватай за ноги!»

«Прыгай!» крикнул Тимка, толкая Машу к открывшемуся зеву шахты.

Девочка среагировала мгновенно: подхватив мяч под мышку, она мягко спружинила на чугунные ступени и кубарем скатилась на первый виток винтовой лестницы. Тимка прыгнул следом, едва не сорвавшись с скользких металлических прутьев.

Бублик с ревом бросился вперед, выбросив руку с монтировкой, чтобы ухватить Тимку за воротник, но его тяжелый строительный берц наступил на скользкий край опускающейся плиты. Нога жулика нелепо взмыла в воздух, он взмахнул руками, выронил берет и с глухим треском приземлился задом прямо на край гранитного колодца, взвыв от неожиданной боли: «Ай, копчик! Клещ, стреляй в них! Кидай топор!»

«Не могу, Сева, я шлепанец потерял!» донесся сверху панический вопль напарника.

А плита над головами ребят, повинуясь неумолимому часовому механизму Нестерова, с нарастающей скоростью пошла вверх, отсекая свет библиотеки и с оглушительным каменным лязгом запечатывая выход в дом.

Глава 3. План инженера и захлопнувшийся шлюз

Грохот захлопнувшейся гранитной плиты прокатился по винтовой шахте, словно пушечный выстрел в закрытом каземате, и замер где-то в немыслимой глубине холма.

Наступила глухая, плотная, непроглядная темнота. Такой темноты не бывает на поверхности земли даже в самую глухую безлунную ночь в дремучем лесу: она казалась осязаемой, тяжелой и холодной, словно мокрое войлочное одеяло, наброшенное на голову. Воздух пах сырой глиной, известкой, речным илом, старинным машинным маслом и слабым, едва уловимым ароматом высушенных трав.

«Тимка... ты цел?» раздался в темноте негромкий шепот Маши. Голос ее чуть подрагивал от пережитого напряжения, но в нем уже звучала привычная спортивная собранность.

«Цел», отозвался Тимка, ощупывая шершавую чугунную ступеньку под ногами. «Только локоть о перила ушиб, когда кубарем летел. А ты как? Мяч не выронила?»

«Вот еще, выронила», в темноте послышался глухой щелчок и мерное, бодрое жужжание механизма.

Маша ритмично сжала и разжала ладонь на ребристой рукоятке своего карманного фонарика с динамо-машинкой. Внутри металлического прибора весело зажужжал маленький генератор, и узкий луч холодного белого света вспорол подземную тьму.

Луч выхватил круглые стены вертикальной шахты, сложенные из темно-красного фигурного кирпича петровской кладки. Швы между кирпичами были залиты белым гидротехническим цементом, на котором за долгие десятилетия не появилось ни единой трещины. Чугунная винтовая лестница со спиральными ступенями и ажурными перилами, напоминавшими переплетенные стебли речных лилий, уходила вниз, закручиваясь крутой спиралью.

«Ничего себе спуск», Маша посветила наверх.

Над их головами в двух метрах темнело ровное гранитное брюхо опустившейся плиты. Никаких ручек, щеколд или выступов на гладком полированном камне не было. Сверху, сквозь многотонную толщу гранита, глухо доносились невнятные звуки: Бублик продолжал яростно колотить монтировкой по плите, а Клещ что-то отчаянно бубнил, но звуки быстро удалялись.

«Они поняли, что через гранитную плиту монтировкой не пробиться», рассудил Тимка, поднимаясь на ноги и отряхивая пыль с парусиновых шорт. «Бублик наверняка потащит Клеща искать вентиляцию или запасной лаз в подвал. В старых купеческих усадьбах всегда был вход через угольный бункер со двора. Если они туда полезут, то минут через пятнадцать найдут спуск в дренажные коридоры. Они упрямые, как ослы».

«Значит, у нас есть максимум четверть часа, чтобы уйти как можно дальше вглубь», Маша направила луч фонаря вниз по ступеням. «Смотри, Тимка, что это там на стене?»

На полукруглом расширении площадки, прямо напротив седьмой ступени, на массивном бронзовом кронштейне висел длинный цилиндрический тубус из толстой темно-коричневой кожи с медными застежками. Кожа потрескалась от сырости, но на выпуклой крышке футляра четко читались тисненые буквы: «Л. А. Нестеровъ. Проектъ гидротехническихъ рубежей. 1912 годъ».

Тимка шагнул к кронштейну и бережно снял тубус. Медные застежки поддались с легким щелчком. Внутри, пересыпанный сухой лавандовой пылью для защиты от плесени и влаги, лежал тугой свиток плотной чертежной кальки, перевязанный шелковым шнурком.

Маша присела на чугунную ступеньку и пристроила фонарик на коленях, непрерывно подкручивая рычажок динамо-машинки, чтобы луч не угасал. Тимка осторожно развернул свиток на широких ступенях.

Перед ними открылся поразительный чертеж, выполненный безупречной черной и красной тушью. Тончайшие линии, стрелки, расчетные формулы и каллиграфические пояснения

покрывали лист от края до края. Заголовок вверху гласил: «Схема подземной системы регулирования паводковых вод и механических испытаний Совиной горки».

А чуть ниже, под гербом Кленоярска, шла надпись, написанная твердым почерком самого инженера Нестерова:

«Сей подземный лабиринт создан не ради праздного сокрытия сокровищ, но ради торжества точной механики и проверки человеческого духа. Тот, кто движим алчностью и грубой силой, встретит здесь лишь глухие тупики, холодную воду и бессилие. Тот же, чье сердце чисто, а разум ищет законы природы, пройдет пять рубежей с честью. Ключ к каждому рубежу есть печать мастерства».

«Пять рубежей...» тихо прочитала Маша, водя пальцем по четким схемам. «Смотри, Тимка, вот они все нарисованы!»

Чертеж изображал длинную цепочку подземных залов, соединенных арочными туннелями и шлюзовыми камерами, уходящими вглубь холма по направлению к руслу Волги.

«Первый рубеж: Затопленный шлюз Архимеда», прочитал Тимка пояснительную надпись у круглой камеры. «Водяной затвор, поплавковый регулятор. Вход открывается Первой печатью, но выход заблокирован давлением грунтовых вод. Требуется ручной запуск винтового водоподъемника».

«Второй рубеж: Акустическая галерея шепота», продолжила Маша, ее глаза горели азартом первооткрывателя. «Эллиптический свод, фокусные точки звука. Печать Вод отпирает второй запор. Третий рубеж: Зал Каменных Весов. Гидравлический противовес и механический балансир. Четвертый рубеж: Зеркальный лабиринт света. Кварцевые отражатели и солнечный затвор. И наконец, пятый рубеж: Главная Палата Машинного Сердца».

«А в Главной Палате что?» спросил Тимка, вглядываясь в центральный круг чертежа.

Там стоял особый знак: стилизованный компас, окруженный пятью сомкнутыми кольцами, и короткая приписка тушью: «Здесь покоится спасение Кленоярска и дар будущим мастерам».

«Прохор Савельевич говорил чистую правду», Маша подняла сияющие глаза на друга. «Нестеров не прятал золото в горшках, как глупый купец. Он создал целый подземный испытательный полигон! И если чертежи спасительных дамб до сих пор там, внизу, мы обязаны их найти и сохранить для музея. Ты представляешь, что будет, если этот Бублик с монтировкой доберется туда первым и все переломает?»

«Он не доберется», уверенно сказал Тимка, бережно сворачивая чертеж и убирая его обратно в кожаный тубус. Футляр он перекинул через плечо на манер полевой сумки. «Жулики привыкли все крушить ломом, а против механизмов Нестерова лом бессилен. Тут думать надо. Пошли вниз, пока они не очухались».

Они продолжили спуск по винтовой лестнице. Чугунные ступени мягко пружинили под ногами. На двадцать третьем витке шахта наконец закончилась: лестница вывела ребят на широкую площадку, вымощенную тяжелыми полированными плитами из серого уральского гранита.

Здесь царила особая, величественная атмосфера старинного инженерного сооружения. Вдоль стен площадки на бронзовых кронштейнах висели старинные масляные фонари со стеклянными колпаками, в которых давно истлели фитили. По потолку шли массивные заклепочные балки, державшие свод, а в углу темнел чугунный гидрант с манометром, стрелка которого застыла на пяти атмосферах.

От площадки в темноту уходил высокий арочный туннель. Стены его были выложены тем же темно-красным кирпичом, а по полу вдоль правой стены тянулся глубокий каменный желоб, по которому с тихим, хрустальным журчанием струился прозрачный, ледяной ручеек. Вода была настолько чистой, что сквозь нее на дне желоба отчетливо виднелись белые кварцевые камешки и золотистые песчинки. Воздух здесь был заметно свежее: из глубины туннеля

тянуло слабым, но отчетливым током воздуха, пахнущего речной прохладой, влажным гравием и ивняком.

«Смотри, ручей течет вглубь холма», заметила Маша, присаживаясь на корточки и касаясь пальцем ледяной струи. «Значит, уклон идет к реке. Нестеров использовал естественные родники Совиной горки для питания своих гидравлических затворов».

«Отец рассказывал, что до революции инженеры умели строить самотечные системы без единого электрического насоса», кивнул Тимка, поправляя ремень тубуса на плече. «Вода сама крутила турбины, поднимала шлюзы и отводила лишнюю влагу в половодье. Пошли вперед, держи фонарь ровно».

Они двинулись по арочной галерее. Шаги их кед приглушенно отдавались под полукруглым сводом. На стенах через каждые десять шагов встречались выбитые в граните латинские литеры и метрические риски, показывающие расстояние от главного колодца.

Пройдя около пятидесяти метров, друзья уперлись в массивную, циклопическую преграду, заставившую их замереть на месте.

Это были грандиозные двустворчатые ворота, наглухо перекрывавшие туннель от пола до самого замкового камня свода. Они были сварены из толстых стальных полос толщиной в два пальца, скрепленных рядами массивных полусферических заклепок. По краям створок шли резиновые уплотнительные ленты, прижатые медными планками для абсолютной герметичности.

Посередине ворот, прямо на стыке створок, возвышался монументальный круглый щит из полированной орудийной бронзы диаметром более метра.

На щите по кругу располагались пять круглых глубоких гнезд с фигурными пазами и латунными зубчатыми шестернями внутри. Четыре гнезда были пустыми, а над самым верхним гнездом красовалась выпуклая гравировка: две скрещенные шестерни, обвитые лавровой ветвью, и гордая надпись старинным шрифтом: «Врата Первой Силы. Механика».

«Вот оно», Тимка опустил руку в карман парусиновых шорт и нащупал тяжелый бронзовый диск, найденный в напольных часах библиотеки. «Первое замковое гнездо Нестерова».

Он поднес печать к бронзовому щиту ворот. Размеры совпали с точностью до доли миллиметра. Три закаленных цилиндрических штифта на обратной стороне диска мягко, с легким упругим сопротивлением вошли в ответные отверстия замка, а прецизионный зубчатый обод вошел в зацепление с внутренней латунной шестерней привода.

«Крути по часовой стрелке», подсказала Маша, направляя яркий луч фонарика прямо на сердцевину замка. «Как на циферблате в кабинете инженера».

Тимка взялся обеими руками за рельефный обод печати, уперся кедами в гранитный порог и налег всем телом.

Бронзовый диск провернулся с мягким, бархатным, почти неслышным усилием. Внутри ворот, словно разбуженный столетний исполин, глухо отозвался сложный зубчатый механизм. Защелкали скрытые собачки храповиков, зазвенели натянувшиеся стальные тросы, глубоко в толще стен зашипели уравновешивающие противовесы.

Тяжелые стальные створки ворот с мелодичным перезвоном скрытых латунных колокольчиков медленно, величаво разошлись в стороны, плавно скрываясь в глубоких каменных пазах боковых стен.

«Сработало!» радостно воскликнула Маша, сжимая кулак. «Первый рубеж открыт!»

«Не спеши радоваться, Маша», нахмурился Тимка, осторожно вглядываясь в открывшийся проем. «Смотри под ноги. Тут что-то не так».

Они перешагнули через массивный бронзовый порог ворот и оказались в огромном круглом помещении с высоким купольным сводом. Это была шлюзовая камера, напоминавшая глубокий каменный колодец. Посередине зала в полу зиял глубокий круглый бассейн, выложенный полированным песчаником.

И в этот самый момент позади них раздался резкий металлический щелчок.

Тяжелые стальные створки ворот не просто закрылись: сверху из арочной перемычки с громоподобным лязгом рухнула тяжелая кованая решетка из чугунных брусьев толщиной в руку. Острые зубья решетки снопом искр вонзились в гранитные гнезда пола, наглухо отрезая обратный путь к винтовой лестнице.

Маша вздрогнула и отступила на шаг, направив фонарик вперед.

А из глубины круглого каменного бассейна донеслось грозное, нарастающее шипение. Уровень темной студеной воды на дне колодца вдруг дрогнул, пошел круговыми бурунами, и из широкой трубы в стене с ревом вырвался мощный поток бурлящей грунтовой воды, стремительно заполняя пространство шлюзовой камеры.

Глава 4. Врата Архимеда и сырой туннель

Ледяная вода с глухим клокотанием хлестала из массивной чугунной трубы, взбивая на поверхности круглого каменного бассейна плотные шапки белой пены.

Воздух в шлюзовой камере мгновенно наполнился влажным туманом, мелкой водяной пылью и резким запахом речного донного гравия, мха и холодного подземного известняка. Эхо от плеска и шума падающего потока многократно отражалось от высокого кирпичного купола, превращаясь в сплошной, оглушительный, рокочущий гул, словно в чреве холма ожила целая гидроэлектростанция.

«Маша, наверх, на карниз!» перекрывая шум воды, крикнул Тимка и указал рукой на узкую каменную лестницу без перил, вырубленную прямо в толще стены.

Маша среагировала мгновенно. Ловко перепрыгивая через две ступени и балансируя свободной рукой, она взбежала на кольцевую смотровую галерею, опоясывавшую всю камеру на высоте трех метров от каменного пола. Тимка взлетел следом за ней в ту самую секунду, когда темная студеная вода перехлестнула через гранитный бортик бассейна и с шипением разлилась по плитам, где они только что стояли.

Оказавшись на сухом карнизе, ребята прижались спинами к кирпичной кладке и перевели дыхание. Маша провела ладонью по волосам, стряхивая капли влажной пыли, и направила луч своего фонарика вниз.

Картина открывалась поистине впечатляющая. Круглая камера напоминала внутренность гигантской каменной башни, только опрокинутой глубоко под землю. Внизу клокотал и пенился круглый резервуар диаметром добрых шесть метров. Стены были сложены из крупного петровского кирпича с клеймами царских заводов, а между швами виднелся белый гидротехнический раствор, не поддавшийся сырости за целое столетие.

Прямо напротив входа, на противоположной стороне галереи, в каменной арке темнела массивная глухая дверь из полированной листовой меди, скрепленная широкими бронзовыми полосами на массивных полусферических заклепках. Посередине медного полотна блестело круглое замковое гнездо с рельефным рисунком водяного колеса и надписью: «Врата Вторыя. Сила Теченія».

Но подойти к этой двери было совершенно невозможно. Каменная галерея, на которой стояли ребята, не смыкалась в сплошное кольцо: прямо перед медным шлюзом зиял трехметровый провал, в который с ревом низвергался водоворот переполненного бассейна. Внизу, в черной бурлящей пучине, виднелись лишь зубчатые чугунные ребра массивных направляющих штанг.

«Смотри на уровень», Маша показала лучом фонаря на замшелые каменные блоки у стены. «Вода поднимается, но не переливается через край шахты. Вон там, на уровне метра от пола, видны широкие сливные решетки с наклонными латунными жалюзи. Вода уходит куда-то в нижний дренаж. Значит, потоп нам не грозит, комната не наполнится до потолка».

«Не наполнится, но и ко второй двери мы не пройдем», Тимка стянул с плеча кожаный тубус Нестерова, достал чертеж и при свете фонарика прижал его к сухой кирпичной стене. «Вот, смотри сюда. Чертеж первого узла. Инженер Нестеров назвал это гидравлическим затвором равновесия».

Маша вгляделась в четкие тушевые линии разреза. На чертеже было наглядно показано устройство шлюза: на дне центрального резервуара располагался гигантский полый медный поплавок, соединенный через систему рычагов и стальных тросов с запорными клиньями противоположной двери.

«Пока бассейн полон воды, поплавок поднят вверх», стал быстро объяснять Тимка, водя пальцем по стрелкам на кальке. «Рычаги натянуты до предела и мертво держат клинья мед-

ного шлюза. Дверь заперта давлением в несколько десятков тонн, ее даже танком не сдвинешь! Чтобы освободить запоры и выдвинуть мостки через провал, нужно полностью осушить этот круглый резервуар. Опустить поплавок на самое дно».

«И как его осушить?» Маша посмотрела на бурлящую водяную пучину внизу. «Ведрами черпать до следующего лета?»

«Зачем ведрами? Нестеров был гениальным механиком», Тимка повернулся и посветил фонариком вдоль карниза в правую нишу. «Гляди туда!»

В глубокой полукруглой нише стены возвышался массивный наклонный цилиндр из клепаного чугуна длиной метра в четыре. Нижний его конец уходил прямо под воду бассейна, а верхний выходил в широкий каменный желоб, ведущий в наклонную дренажную шахту. Вдоль цилиндра шел мощный стальной вал, соединенный через двухступенчатый шестереночный редуктор с двумя массивными дубовыми рукоятками для ручного вращения.

«Винт Архимеда!» ахнула Маша, узнав старинную водоподъемную машину, о которой они читали в школьном учебнике физики. «Древний спиральный насос!»

«Именно», Тимка подошел к механизму и положил ладонь на чугунный кожух. Металл был холодным и шершавым от тонкого слоя старой консервационной смазки. «Внутри трубы винтовая спираль. Если крутить рукоятки, винт будет захватывать воду со дна бассейна и поднимать ее вверх по спирали прямо в отводной желоб. А в желобе стоит клапан сброса: вода уйдет прямиком в городской ливневый коллектор под Совиной горкой».

Маша подошла к противоположной рукоятке и взялась за гладкую, отполированную временем древесину: «Чего же мы ждем? Давай крутить!»

Она навалилась всем телом, Тимка нажал на свою рукоять с другой стороны вала.

Но механизм даже не шелохнулся. Чугунные зубья огромного редукторного колеса диаметром в метр намертво заклинило в пазах ведущей шестерни. Столетняя смазка, смешанная с пылью и известковым налетом, превратилась в твердую, как камень, корку.

«Заклинило стопорную собачку», тяжело дыша, сказал Тимка, нагибаясь к основанию передаточного узла. «Видишь? Латунный храповик закис в верхнем пазу. Если мы сейчас дернем со всей дури, просто срежем зубья шестерни, и тогда мы отсюда точно никогда не выйдем».

«Твой мультитул достанет?» встревоженно спросила Маша.

«Достанет, но одной отверткой тут не справиться. Нужен рычаг и растворитель для засохшей смазки». Тимка лихорадочно ощупал свои карманы. В правом лежали моток шнура, печать Нестерова и складной нож. В левом лежал старый плоский флакончик из-под капель, в котором Тимка всегда носил с собой очищенное веретенное масло для смазки велосипедных цепей и подшипников. «Масло есть! Полный пузырек чистого веретенного масла. Оно любую ржавчину за минуту разъедает».

Тимка опустился на колени, зубами вытащил пластиковую пробку и щедро залил янтарную маслянистую жидкость прямо на заклинивший латунный храповик и зубья шестеренчатой передачи.

«Маша, давай сюда свой альпинистский карабин», скомандовал он. «И капроновый шнур из моего кармана. Сложим шнур вчетверо, сделаем полиспаст вокруг ведущего вала и зацепим карабин за ось собачки. Получится пятикратный выигрыш в силе!»

Маша мгновенно отщелкнула тяжелый дюралевый карабин с пояса. Завязать надежный схватывающий узел на скользком шнуре для нее, привыкшей вязать страховки на крутых тренировочных стенках, было делом секунд. Через минуту система была готова: шнур тугой петлей охватил чугунную станину, карабин уперся в заклинившую латунную планку, а свободный конец веревки Тимка намотал на рукоять своего складного ножа.

«Тянем плавно на счет три!» сказал Тимка, упираясь кедами в гранитный выступ карниза. «Раз, два... три!»

Они натянули шнур изо всех сил. Мышцы на руках Тимки напряглись, капроновая нить зазвенела, словно гитарная струна. Веретенное масло с шипением проникло в зазор между металлом.

Вдруг раздался сухой, звонкий щелчок.

Латунная собачка с легким металлическим звяканьем выскочила из окаменевшего паза и мягко легла на пружину. Шестерни редуктора с легким скрипом стронулись с места, повернувшись на пол-оборота.

«Пошла!» победно вскрикнула Маша, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. «Смазка сработала!»

Они переглянулись, счастливо улыбаясь друг другу. Тимка уже взялся за рукоять винта Архимеда, готовый запустить откачку воды, но в этот самый миг прямо над их головами, под самым сводом кирпичного купола, послышался глухой треск ломаемых досок.

Ребята мгновенно замерли. Шум падающей воды внизу больше не мог заглушить резкие звуки, доносившиеся сверху.

А наверху, в заброшенном угольном бункере усадьбы, разворачивалась настоящая трагикомедия.

Бублик и Клещ, убедившись, что гранитную плиту в библиотеке не взять даже ломом, в панике бросились осматривать цокольный этаж. На заднем дворе усадьбы они наткнулись на полусгнивший дощатый люк угольной ямы, куда сто лет назад ссыпали антрацит для котельной Нестерова.

«Лезь первый, Клещ!» скомандовал Бублик, подталкивая напарника в черную дыру. «Там внизу склад топлива, а из него точно есть проход в дренажные коридоры!»

«Сева, я боюсь, там пауки и крысы!» упирался тощий верзила.

«Крыс он боится, интеллигент несчастный! Лезь, говорю, пока светло!»

Клещ полез, но под его весом прогнившая деревянная лестница с треском разломилась пополам. Верзила с воплем рухнул на кучу вековой угольной пыли, взметнув черную тучу до самого перекрытия. Следом за ним, ругаясь на чем свет стоит, свалился Бублик, прямо на свой любимый чемодан с инструментами.

Перемазанные черной сажей, кашляя и чихая, жулики обнаружили в стене бункера старую вентиляционную трубу, откуда тянуло сыростью и отчетливо доносился шум падающей воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.